

В ЭТОТ небольшой дом постройки прошлого века я впервые пришел в октябре 1970 года, в дни 75-летия со дня рождения Сергея Есенина. Дом под № 21 стоял на тихой московской улице, бывшей Малой Никитской, ныне ул. Качалова, и, казалось, даже само его расположение — между домом, где некогда проживала Наталия Гончарова, и церковью у Никитских ворот, в которой венчался с нею Пушкин, — казалось, все это также имело какой-то неслучайный, определенный смысл... Отзвуки пушкинской мятежной поры и бурного есенинского времени незримо витали и в увядающем саду возле дома, и в самих его стенах.

● А. Л. МИКЛАШЕВСКАЯ.
1923 год. Фото из личного архива актрисы.

А в одной из квартир того дома вы могли встретиться с живой памятью о людях своего времени, с героиней есенинских строк — актрисой Августой Леонидовной Миклашевской. Сразу с порога вас встречали десятки фотографий Есенина, всюду видны были старые журналы и книги с пожелтевшими от времени обложками. Вы могли посидеть в любимом кресле поэта, Августа Леонидовна бережно хранила все, что было связано с именем Есенина. И почти каждый день почтальон приносил старой актрисе десятки писем от поклонников есенинского дара. Двери ее квартиры радушно открывались перед всяким, кому была дорога память о Сергее Александровиче Есенине. И не забыть те долгие разговоры с Августой Леонидовной, которые зачастую затягивались далеко за полночь. По сей день помню и слышу ее глуховатый взволнованный голос, рассказывающий забываемую боль о недолгих, но счастливых встречах с Есениным...

...Они — поэт и актриса — встретились впервые в конце лета 1923 года. Стоял нежаркий московский август. Позже Есенин любил в разговорах обыгрывать месяц их первой встречи с именем Миклашевской. «Что ж так имя твоё звенит, словно августовская прохлада?» — это из стихов, посвященных Августе Леонидовне...

«Познакомила меня с Есениным актриса Московского Камерного театра Анна Никритина, жена известного в то время поэта-имажиниста Анатолия Мариенгофа. Мы встретили Есенина на Тверской улице. Он шел быстро, бледный, сосредоточенный... На меня он тогда почти не взглянул. Это было вскоре после его возвращения из поездки за границу с Айседорой Дункан. А с Никритиной мы в то время вместе работали в Ка-

мерном театре у режиссера Таирова», — рассказывала актриса.

Часто бывая у Никритиной, Августа Леонидовна видела с поэтом, разговаривала с ним о театре, о современной поэзии. Позже Сергей Александрович познакомил ее со своими друзьями: поэтом Н. Клюевым, скульптором С. Коненковым, журналистами М. Кольцовым и О. Литовским. Некоторые из этих встреч запомнились Августе Леонидовне особо...

«В один из вечеров Есенин повез меня в мастерскую Коненкова. Обратно шли пешком. Долго бродили по Москве. Он был счастлив, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему, как ребенок. Трогал руками дома, деревья... уверял, что все,

столько несколько раз повторил их... Прочитав стихотворение, Есенин торжественно подал мне журнал «Красная нива», — вспоминала актриса.

К этому времени Августа Миклашевская ушла из Камерного театра. Зарабатывала концертами, начала репетировать в театре «Острые углы».

Вскоре Сергей Александрович уехал в Баку. Августа Леонидовна выезжала со спектаклями в разные подмосковные города. В сезон 1924/25 года она работала в Московском театре сатиры. Поэт не забывал о ней и однажды прислал только что вышедший сборник стихов с автографом: «Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин. 24.III.25 г., Москва».

К 90-летию со дня рождения С. А. Есенина

«Ты
такая ж
простая,
как все...»

Она была героиней
есенинских строк...

даже небо и луна другие, чем там, у них. Рассказывал, как ему трудно было за границей. И вот наконец он все-таки в Москве! Тогда, в сентябре 1923 года, мы встречались ежедневно. Была ранняя золотая осень. Под ногами шуршали желтые листья... «Я с вами, как гимназист...» — тихо, с удивлением говорил мне Есенин и улыбался.

Они часто встречались в кафе поэтов «Стоило Пегаса» на Тверской, просто сидели вдвоем и тихо разговаривали о своих делах. В одну из этих встреч поэт сказал актрисе: «Я буду писать вам стихи». Помолчал и добавил: «Нежные...»

Действительно, вскоре в журнале «Красная нива» в номере от 14 октября 1923 года появился первый из семи стихотворений, посвященных А. Л. Миклашевской. «Я даже запомнила номер журнала — 21, так как он совпал с номером моего дома на Малой Никитской», — сказала Августа Леонидовна.

Этим стихотворением открывался целый цикл стихов, обращенных поэтом к актрисе. В есенинских автографах этого цикла и в отдельных публикациях в периодике всегда неизменно стояло посвящение — «А. Л. Миклашевской».

Второе стихотворение из этого цикла Есенин прочитал ей там же, в «Стоило Пегаса»:

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.
...Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада?

Последние две строчки особенно нравились поэту, и он сам радо-

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.
Я сердцем никогда не лгу...
Прозрачно я смотрю вонруг
И вижу — там ли, здесь ли,
где-то ль, —
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.
Из воспоминаний А. Л. Миклашевской.

«Мы встречались с Есениным все реже и реже. Увидев меня однажды на улице, он соскочил с извозчика, подбежал ко мне: «Прожил с вами уже всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение».

Вечер черные брови
насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость
пропил?

Разлюбил ли тебя не вчераш?
Как всегда, тихо прочитал все
стихотворение и повторил: «Наша жизнь, что былой не была...»

Третьего октября 1924 года меня разбудили в восемь часов утра. Пришел Есенин. Мы уже встречались очень редко, но тревога за него была еще сильнее. Он стоял бледный, похудевший. «Сегодня день моего рождения. Вспомнил этот день прошлого года и пришел к вам». Вид у него был измученный, больной. Голос — хриплый. Мы шли по улице, и у нас был нелепый вид. У него на затылке цилиндр (очевидно, опять надел ради дня рождения), на одной руке — лайковая перчатка, и я — с непокрытой головой, в накиннутом на халат пальто, в туфлях на босу ногу. Но он перехитрил меня. Довел до цветочного магазина, купил огромную корзину хризантем и отнес домой. На прощанье сказал: «Извините за шум». И ушел неизвестно куда.

В то трудное время актрисе приходилось очень много работать, чтобы самостоятельно воспитывать маленького сына. Однако поэт по-прежнему заезжал к ней в старый дом на Малую Никитскую, чтобы просто посидеть, отдохнуть душой с близким ему человеком. Она видела и понимала, как ему трудно, плохо, как он одинок. И старалась помочь поэту быть самим собой, несмотря на сумбурную жизнь его в водовороте разноликого божьего окружения. И вот наступила новая осень в их жизни. Августа Леонидовна вспоминала:

«В последний раз я видела Есенина в ноябре 1925 года, перед тем как он лег в больницу. Был болен мой сын. Я сидела возле его кровати и читала вслух. Вошел Есенин и, когда увидел меня подле сына, прошел тихонько и зашептал: «Я не буду мешать...» Сел в кресло и долго молча сидел, потом встал, подошел к нам: «Вот все, что мне нужно», — сказал шепотом и пошел».

С этой последней встречей с Есениным у актрисы был связан и эпизод неожиданной встречи с Маяковским, происшедший уже после смерти Сергея Александровича.

«Как-то вечером сидела у себя в комнате. В дверь постучали, и вошел Маяковский (он был в гостях у соседей). Попросил разрешения поговорить по телефону.

— Вы — Миклашевская?

— Я.

— Встаньте, я хочу посмотреть на вас.

Он сказал это так просто, серьезно, что я спокойно встала.

— Да... — сказал Маяковский.

Поговорил немного о театре и, так и не дотронувшись до телефона, ушел. И хотя он ни словом не обмолвился о Есенине, я понимала, что интересовала его только потому, что мое имя было как-то связано с именем Есенина. Маяковский думал о нем. Его волновала судьба Есенина», — рассказывала Августа Леонидовна.

Вскоре после смерти Есенина актриса уехала из Москвы работать в Брянский театр, затем были Рязань, другие провинциальные театры и вновь — Москва... Вся жизнь Августы Миклашевской была связана с театром,

начиная с первых шагов в театральной студии в Ростове-на-Дону. Снималась она и в кино. В 20-е годы, работая у А. Я. Таирова в Камерном театре, Миклашевская участвовала во всех программных спектаклях этого театра вместе с Алисой Коонен, создавая разнохарактерные образы, исполненные больших чувств. Есенин, часто бывавший в Камерном театре, видел актрису в главных ролях в спектаклях «Принцесса Брамбилла» по Гюгману, «Федра» Расина, в оперетте «Жиронда Жирофля» Лекока (эту постановку, кстати, оформлял друг Есенина, известный театральный художник Г. Якулов).

Несколько встреч было у Августы Леонидовны и с наркомом просвещения А. В. Луначарским, который высоко оценил работу актрисы в античной трагедии «Федра». Позже она сыграла на театральных подмостках Марину Мнишек в «Борисе Годунове», Ларису в «Бесприданнице», Кручинину в «Без вины виноватые». Спектакли с участием Миклашевской в разные годы посещали Ф. Шалапин, В. Маяковский, Вс. Мейерхольд, В. Качалов.

...Минули десятилетия. И в старом доме на улице Качалова стал часто бывать сын поэта — Константин Сергеевич Есенин, еще школьником подружившийся с Игорем Миклашевским — сыном актрисы. Оба они — Константин и Игорь — прошли славный боевой путь в годы Великой Отечественной войны, были ранены, награждены орденами и медалями.

...Однажды старая актриса выступила по радио с воспоминаниями о Сергее Есенине. И буквально на следующий день в ее адрес хлынул поток благодарных писем от школьников и студентов, от воинов и рабочих. В одном из таких писем были строки:

«Я пишу Вам, чтобы поблагодарить за те минуты и даже часы трепетного волнения, которые вызвало во мне Ваше слово о Есенине, прозвучавшее по радио. Я да и подавляющее число читателей Есенина не знали, конечно, кому посвящены эти в дрожь и слезы бросающие стихи 1923 года, которые мы все носим в сердце. И нельзя не любить и не быть благодарным женщине, которая вдохновила поэта на эти стихи. Как хорошо Вы говорили, как абсолютно я Вам верил, какая настоящая женская самоотрешенность любви связывала во всем, что Вы вспоминали...»

В 1971 году мы праздновали в квартире Августы Леонидовны ее 80-летие. На это торжество пришли друзья молодости, актеры и среди них — лучший старый друг Борис Андреевич Бабочкин. И не было, наверное, более дорогого подарка в тот вечер, чем есенинские стихи, обращенные поэтом к имениннице и прочитанные Бабочкиным...

В одном из последних писем Августе Леонидовна писала: «Мы с сестрой Тамарой переехали в Тушинский район Москвы. Я получила двухкомнатную квартиру на втором этаже с большим балконом. Балкон мне очень нужен, я теперь целыми днями могу быть на воздухе. Воздух здесь хороший. Брат посадил под моим балконом елку и две березки. Новые поклонники Есенина уже ходят ко мне. Перед выборами приходили агитаторы, увидели у меня на стенах портреты Есенина и его книги и о нем и пришли в восторг. А наш дом на улице Качалова уже давно признан аварийным и вместо него будет озеленение...»

Вскоре после этого письма старый московский дом на улице Качалова снесли. На его месте сегодня растут молодые деревья, окруженные старыми тополями и липами.

...Августа Леонидовна Миклашевская прожила долгую жизнь — восемьдесят шесть лет. Сергею Есенину было едва за тридцать, когда оборвался его путь на земле. Прах актрисы захоронен на Ваганьковском кладбище, недалеко от могилы Поэта. За этой чертой актриса Миклашевская обрела другую жизнь — в светлом звучании есенинских строк, ей посвященных...

Алексей КАЗАКОВ,
литературовед
ЧЕЛЯБИНСК